

Впервые в жизни Сюй Цыань понял, как трудно порой сделать простой глоток чая. Ему отчаянно хотелось выплеснуть всё прямо в лицо Гун Чэню, но безупречное воспитание не позволило опуститься до подобного.

Каким бы сильным ни был его интерес к прошлому Гун Чэня, он ни за что не стал бы ради этого поступаться собственным удобством. Терпеть лишения — не в его правилах. Даже самую малость.

Сюй Цыань пошёл в четыре месяца, в год уже знал грамоту, а следом сразу начал тренировки. С тех пор, с кем бы он ни соперничал и в чём бы ни состязался, в его глазах существовало лишь одно место — первое, самое сияющее. И не ради пустой славы, а ради того, чтобы каждый помнил: «Сюй» в его имени — это фамилия величайшего из ныне живущих кланов.

Конечно, человек, стремящийся быть первым во всём, неизбежно отталкивает людей, как бы безупречно и сдержанно он ни вел себя в обществе. Оттого у него никогда не водилось товарищей для игр. Вообще ни одного.

По правде говоря, Сюй Цыань считал, что ему всё же стоит завести пару-тройку приятелей или... друзей. В конце концов, у всех остальных они были.

Но больше — ни в коем случае, ведь он вовсе не хотел прослыть добродушным простаком. А значит, место подле него предназначалось лишь одному, от силы двум избранным.

И делить эту величайшую привилегию с глупцом, который посмел отвести ему сотое место и при этом самодовольно радоваться, Сюй Цыань не собирался. Но обиду он всё же проглотил. Скрывать свои чувства он учился с пелёнок, поэтому умел держать себя в руках.

В глубине души он горько усмехнулся над собой прежним.

"Всего минуту назад, даже не подумав как следует, я едва не подарил бесценное место этому недотёпе"

Теперь следовало придумать, как заставить Гун Чэня уйти самому, чтобы не опускаться до грубой брани.

Облизав губы, Сюй Цыань подпёр подбородок ладонью и спросил:

— Доел?

Сидящий напротив Гун Чэнь густо покраснел до самых кончиков ушей:

— Я... я что, съел слишком много?

Прекрасный повод.

— Ты принёс угощение мне, а в итоге сам же всё и слопал, — Сюй Цыань холодно сощурился.
— Прилично ли это?

Гун Чэнь испуганно захлопал глазами, напоминая застигнутого врасплох кролика:

— Прости, пожалуйста, прости! Ты рассердился? Я просто подумал, что мы уже друзья, и потому...

Сюй Цыань слегка склонил голову набок и оборвал его:

— Иными словами, ты заводишь друзей только ради того, чтобы безнаказанно грубить им и требовать понимания?

— Вовсе нет, — пробормотал Гун Чэнь. Поняв, что отношение Сюй Цыаня внезапно переменилось, он понурил голову. В его приглушённом голосе прозвучала хрипота: — Если бы ты пришёл ко мне в гости, я бы ни за что не стал упрекать тебя за то, сколько ты съел.

Сюй Цыань помолчал немного, а затем протянул ему чистый платок:

— Твои родители... они правда не сердятся, когда ты принимаешься реветь по любому поводу?

— Они никогда... никогда меня не ненавидят!

Этот вопрос задел Гун Чэня за живое. Оттолкнув чужую руку с платком, он резко поднялся и принялся рукавом размазывать слёзы по лицу. Но те катились лишь сильнее.

— Я не понимаю, почему ты... почему ты так со мной! — всхлипывая, заговорил он. — Ну и пусть! Я больше не хочу с тобой дружить. Спасибо, что впустил погреться... Я уйду!

— Скатертью дорога, — бросил вслед Сюй Цыань.

Спрятав платок, он дождался, пока за маленьким плаксой захлопнется дверь, и вернулся к книгам и упражнениям с мечом.

Всё шло своим чередом. Разве что из-за съеденных сладостей у него пропал аппетит к ужину, отчего и спалось этой ночью не слишком спокойно. В остальном же его уединение ничто не нарушало.

Однако на следующее утро в дверь снова постучали.

С мрачным видом Сюй Цыань распахнул створку.

— Гэгэ! — на него преданно уставились сияющие детские глаза.

Бам!

Дверь тут же захлопнулась перед самым носом гостя.

Прислонившись к косяку, Сюй Цыань замер в полном недоумении. Какого чёрта этот Гун Чэнь опять припёрся? Вчера ведь убежал весь в слезах, так почему сегодня снова стоит на пороге и глупо улыбается? Память отшибло? Абсурд какой-то.

— Гэгэ, постой, не уходи! — закричал из-за двери мальчик, поняв, что впускать его не собираются. — Матушка объяснила мне! Она сказала, что ты разозлился, потому что я поставил тебя в самый конец списка!

— Но я ведь не успел договорить! — раздалось снаружи. — Ты совсем не такой, как мои остальные друзья!

Резкий щелчок засова — дверь распахнулась. Сюй Цыань бесцеремонно схватил мальчишку за шиворот, втащил внутрь и процедил сквозь зубы:

— Ты чего раскричался на всю улицу? Опозорить меня решил?

— Но ведь... — Гун Чэнь закашлялся от резкого рывка, — кхе-кхе... поблизости никого нет?

— Откуда тебе знать?

— Там, снаружи, одна сестрица подсказала.

— И по-твоему, она не человек?

Гун Чэнь спрятал руки за спину, мотнул головой и, немного помявшись, тихо добавил:

— Не только эта сестрица... Все мои друзья, вообще-то, не люди.

Сюй Цыань лишился дара речи.

Дичь какая-то. Выходит, его главная особенность заключалась лишь в том, что он принадлежал к роду человеческому?

Ему самому казалось странным сторониться сверстников, но водить дружбу с девятью десятками призраков — это уже переходило все границы разумного.

Ослабив хватку, Сюй Цыань окинул гостя подозрительным взглядом:

— И что, они не отправляются на перерождение?

— Отправляются, — уныло вздохнул Гун Чэнь, опустив голову. — Позавчера бабушка Ецзы тоже ушла. Теперь мне снова не с кем играть, кроме папы с мамой. А я страсть как не люблю одиночество.

— Поэтому, гэгэ... — Мальчик достал из-за спины и прижал к щекам два круглых плода ярко-красной спелой хурмы. Его тёмные, как у щенка, глаза просительно уставились на Сюй Цыаня: — Я угощу тебя сладкой хурмой, а ты простишь меня, ладно?

Пальцы мальчишки совсем покраснели от холода, но на фоне ярких, огненных плодов его улыбка казалась невероятно тёплой и солнечной.

Сюй Цыань замер.

Ну надо же было принести именно хурму — такую сочную, багряно-красную! Против этого его воля была бессильна.

Сюй Цыаню нестерпимо захотелось немедленно выхватить плоды и полюбоваться их насыщенным цветом. У него имелась одна маленькая слабость, граничащая с пороком: он питал непреодолимую страсть ко всему ярко-красному и пурпурному.

У каждого свои причуды, и Сюй Цыань не был исключением. Поначалу ему просто казалось, что в фамильном поместье слишком уныло и серо, отчего взгляд невольно цеплялся за сочные краски.

Но отец всегда наставлял его: «Чем сильнее к чему-то привязан, тем глубже прячь свои чувства». Приходилось таиться, скрывая страсть от чужих глаз, пока это увлечение окончательно не переросло в наваждение.

Сюй Цыань поспешно отвёл взгляд и холодно бросил:

— Думаешь, пара плодов хурмы заставит меня сменить гнев на милость?

— Вообще-то один, — честно поправил Гун Чэнь. — Один тебе, один мне. А то ты снова скажешь, что я один всё сожрал.

Так значит, ему предназначался всего один плод?!

У Сюй Цыаня даже бровь дёрнулась от такой наглости. Мысленно возмущившись, он развернулся и сухо скомандовал:

— Проходи, садись.

Гун Чэнь так и просиял.

— Гэгэ, а ты почему не ешь?

— Позже съем, — буркнул Сюй Цыань.

"Если сейчас съесть, то и любоваться будет нечем"

— Может, мне почистить его для тебя?

—... Я сам.

Сюй Цыань невольно усмехнулся, глядя на гостя. Приделай этому мальцу хвост, он бы сейчас вилял им от радости. Все чувства нараспашку, полная противоположность ему самому.

Нагретый тёплыми детскими ладонями плод уже не казался холодным. Сочная, тающая во рту мякоть разлилась медовой сладостью. Сюй Цыань облизнул испачканные губы и прищурился:

— Только не говори, что это опять из твоего сада.

— Угу! У нас дома таких деревьев полно, они усыпаны плодами. Правда же вкусно?

"Раз их так много, мог бы и побольше принести"

— мысленно проворчал Сюй Цыань, но вслух лишь небрежно обронил короткое «угу». Ему вдруг стало любопытно, как выглядит дом, где растёт столько этой чудесной, огненно-красной хурмы.

— Гэгэ, завтра Праздник фонарей. Хочешь цзяоцзы?

Сюй Цыань настороженно прищурился. Что-то этот парень зачастил с подарками. Слишком подозрительно.

— Ты что, считаешь меня несчастным брошенным сиротой из-за того, что я живу тут один?

— Ой, нет! — испуганно мотнул головой Гун Чэнь, поспешно заглатывая кусок хурмы, отчего по его подбородку потёк сладкий сок.

— Врёшь ведь, — Сюй Цыань небрежно щелкнул пальцами, применяя заклинание очищения тела, чтобы убрать липкие следы с лица и ладоней мальчика. — Я прекрасно справляюсь сам, отцу нет нужды беспокоиться обо мне. К тому же завтра он возвращается.

Гун Чэнь смущённо принялся перебирать пальцы, сплетая их в затейливый узел:

— А он сварит тебе цзяоцзы?

Сюй Цыань задумался на мгновение:

— Вряд ли. Скорее всего, он сразу заставит меня тренироваться и будет проверять моё владение мечом.

— Гэгэ, а можно мне прийти и посмотреть?

— И много ты в этом смыслишь?

— Мама с папой говорят, что я очень смышлёный! — Гун Чэнь наконец закончил возиться со своими пальцами и победно вытянул их вперёд. — Гляди, что умею! Это мой коронный трюк.

Сюй Цыань незаметно попытался повторить это под столом, но у него ничего не вышло. Сохраняя невозмутимый вид, он сухо бросил:

— Как хочешь.

— Вот и славно! — распутав пальцы, Гун Чэнь задорно рассмеялся и улёгся грудью на стол. — Тогда я захвачу цзяоцзы, чтобы вы с дядей тоже смогли их отведать.

Сюй Цыань на мгновение замер. На него нахлынуло странное оцепенение. Склонив голову, он молча откусил ещё кусочек сочной хурмы. Он ел чрезвычайно изящно, неторопливо пережёвывая пищу, так что по его лицу невозможно было прочесть, нравится ему угощение или нет.

Тем временем Гун Чэнь принялся перебирать пальцами по столу, словно человек на прогулке, пока не дошагал до лежащей перед Сюй Цыанем книги. Воровато зыркнув на хозяина и не встретив отпора, мальчик смело придвинул фолиант к себе и принялся листать.

Читать он ещё толком не умел, поэтому просто искал страницы с пояснительными рисунками. Сначала от скуки повторял за нарисованными человечками движения меча, но незаметно для самого себя увлёкся процессом.

— Приходи завтра пораньше, — неожиданно произнёс Сюй Цыань, который уже какое-то время молча наблюдал за ним.

— А? — Гун Чэнь вздрогнул, поспешно закрыл книгу на нужной странице и пододвинул обратно к Сюй Цыаню. — Гэгэ, что ты сказал?

— Я говорю, приходи завтра пораньше, — Сюй Цыань многозначительно вскинул бровь, точно предлагал ему величайший дар на свете. — Попрошу отца проверить твои духовные кости. Кто знает, быть может, он согласится взять тебя в ученики.

— Не надо! — испуганно завопил Гун Чэнь, от страха выпалив чистую правду: — Да не хочу я учиться владеть мечом!

Сюй Цыань прыснул со смеху:

— Так я и думал. И всё же твои сегодняшние движения были весьма недурны. Послушай меня, давай сперва просто проверим кости, это ведь ни к чему тебя не обязывает.

— Гэгэ, ты меня хвалишь?

— Да.

Короткий, веский ответ заставил уши Гун Чэня снова запылать.

— Ладно, уговорил, я послушаюсь тебя. Но тогда завтра ты наконец откроешь мне своё имя?

Сюй Цыань на мгновение замялся. Вообще-то, он мог назвать себя уже сегодня. Не будь Гун Чэнь ему интересен, он бы никогда не позволил ему остаться и тем более не стал бы вести душевные разговоры.

— Хорошо, назову.

— Ура! — казалось, сама атмосфера вокруг наполнилась чистым восторгом, исходящим от

мальчика.

Сюй Цыань невольно улыбнулся.

"Глупый какой. Поделом тебе, подождёшь ещё денёк"

Но судьба распорядилась иначе. В Праздник фонарей Сюй Цыань так и не дождался ни своего отца, даоса Сюя, ни своего нового приятеля Гун Чэня. Оба нарушили данные ему обещания.

Даос Сюй задержался из-за непредвиденных и спешных дел клана и поспешно вернулся лишь под утро следующего дня. А вот Гун Чэнь больше не появился. Он будто растворился без следа в ту суровую зимнюю пору.

Прощаясь, Гун Чэнь сунул ему в ладонь талисман заимствования духовной силы:

— Гэгэ, завтра я воспользуюсь парящим талисманом, чтобы добраться до тебя в мгновение ока! Только родители строго-настроено запрещают мне баловаться с заклинаниями. Пожалуйста, будь другом, одолжи мне завтра чуточку своей духовной силы, ладно?

— Зачем такие сложности, — растерялся тогда Сюй Цыань. — К чему лететь?

— Очень даже к чему! — с самым серьёзным видом возразил Гун Чэнь. — К тем, кто нам дорог, нужно спешить изо всех сил. Гэгэ, неужели ты этому не рад?

Сюй Цыань промолчал. Тогда Гун Чэнь состроил жалобную гримасу и легонько потянул его за широкий рукав:

— Гэгэ, ну скажи, что ты рад. Тебе что, жалко?

В этот миг на лоб Гун Чэня опустилось нечто холодное. Он вздрогнул и поднял глаза. Сюй Цыань легонько коснулся его межбровья кончиком указательного пальца, смахивая крошечную белую крупичу.

— Снег пошёл.

Он так и не признался, рад ли встрече, но сотворил простое согревающее заклинание. Убирая руку, он едва заметно улыбнулся одними уголками глаз:

— Гун Чэнь, на обратном пути будь осторожен. Слишком скользко. До завтра.

Эти слова были пределом той эмоциональной свободы, которую он позволял себе высказывать. Глупо отрицать: в этом мальчишке он отыскивал то, чего всегда подспудно желал. То, что не нужно было постоянно доказывать или за что приходилось отчаянно бороться — оно доставалось ему просто так, без лишних слов.

И в то мгновение Сюй Цыань искренне захотел отдать то единственное, бесценное место рядом с собой этому чудному мальчишке. Но он и помыслить не мог, что последует дальше.

Гун Чэнь нарушил их уговор. Он исчез без следа. Лишь талисман заимствования духовной силы на протяжении последующих лет время от времени вспыхивал, упрямо вытягивая из Сюй Цыаня крупы энергии.

Всякий раз, когда Сюй Цыань начинал сомневаться, жив ли тот надоедливый мальчик, слабый свет талисмана возвращал его к реальности.

"Этот проходимец жив-здоров"

Он бесстыдно выманил у него обещание, а сам больше ни разу не переступил его порога. Сюй Цыань всего лишь попросил его подождать один день, а Гун Чэнь заставил его ждать долгих восемь лет.

Восемь лет. Срок, который перечеркнул всё. И эту обиду Сюй Цыань проглотить уже не мог. Никогда и ни за что. Пусть пройдёт ещё восемь лет, да хоть восемнадцать — ничего не изменится.

Если им суждено встретиться вновь, он заставит Гун Чэня сполна расплатиться за каждый обман и за каждую хитрую уловку. В стократном, тысячекратном размере.

А для начала...

— Знаешь ли ты, кто я?

— Лишь то, что молодой господин Сюй на редкость добросердечен.

— Добросердечен?

Сюй Цыань тихо рассмеялся, перебирая пальцами порошок Киноварного инея — ярко-алого, его самого любимого цвета. И безжалостно растёр драгоценное вещество в пыль. Глядя на юношу, который явно не узнавал его, Сюй Цыань вкрадчиво прошептал:

— И сейчас... тебе всё ещё кажется, что я добр?

"Для начала я заставлю его плакать"

Сюй Цыань бесстрастно уставился в пустоту.

<http://bllate.org/book/20729/2149365>